

О. Д. Сурикова О. D. Surikova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**СЛОВА БЕЗБОЖНИК
И БЕЗЗАВЕТНЫЙ В ДИАХРОНИИ
РУССКОГО ДИСКУРСА**

**THE WORDS БЕЗБОЖНИК
AND БЕЗЗАВЕТНЫЙ IN THE DIACHRONY
OF THE RUSSIAN DISCOURSE**

Аннотация. Рассматривается динамика изменений в семантике, коннотациях и сочетаемости русских слов «безбожник» и «беззаветный» в книжной и народной традициях. Эти трансформации во многом обусловлены преобразованием общественных ценностей (в частности, отношения к религии), но связаны также и с собственно лингвистическими причинами. Устанавливается возможность аналогичного или, напротив, несхожего функционирования данных лексем в официальном и «народном» дискурсе; выясняется роль негативизирующего префикса «без-» в языковой «судьбе» этих слов.

Abstract. The article is devoted to the changes in semantics, connotations and collocation of Russian words «безбожник» and «беззаветный», functioning in literary and folk traditions. These changes are determined by the transformation of social values (by the attitude to religion in particular) and linguistic causes. The possibility of analogical or, on the contrary, dissimilar functioning of these words in official and folk discourse is proved in the article. The role of negative prefix «без-» in language being of these lexemes is clarified.

Ключевые слова: русистика; лексикология; историческая семантика; приставки; приставка «без-»; лингвистическая аксиология.

Key words: Russian studies; lexicology; historical semantics; prefixes; prefix «без-»; linguistic axiology.

Сведения об авторе: Сурикова Олеся Дмитриевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.

About the author: Surikova Olesja Dmitrievna, Post-graduate Student, Department of the Russian Language and General Linguistics.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 306.
e-mail: surok62@mail.ru.

Об отражении динамики общественных ценностей в языке (как «экстенсивным» путем, состоящим в появлении новых слов, так и «интенсивным», заключающимся в изменении сочетаемости, коннотаций, частотности употребления уже имеющихся в языке лексических единиц, возникновении новых смысловых линий, тем в их семантике [Березович 2011: 121]) в отечественной науке за последние десятилетия было сказано немало (краткую библиографию вопроса см. здесь: [Там же: 122]). Интересу к аксиологическому аспекту лексических (и семантических) инноваций способствует «чуткость» языка к трансформациям ценностного фонда его носителей; эти трансформации (преобразование старых ценностей, возникновение новых) во многом обусловлены существенными и быстрыми изменениями в социальной жизни, общественными катаклизмами, которые связаны со сменой идеологии и государственного строя и т. д. Повышенное внимание лингвистов к сдвигам в значении, коннотациях и сочетаемости слов вызвано «несостыковкой» картин мира и их лексической концептуализации у представителей разных поколений. Такая несостыковка особо чувствуется в настоящее время, поскольку

большинство исследователей языка XXI в. принадлежит к «другой» парадигме социального воспитания и поведения^[1]. Значительная часть работ, направленных на изучение динамики лексических изменений, выполнена на материале литературного языка, — ведь именно он является «родным идиомом» для лингвистов и для тех, чья языковая компетенция исследуется (а значит, демаркационная линия в словоупотреблении и словоизменении ясно видна), и именно в нем (особенно в его обиходно-разговорном и публицистическом стилях) отчетливо фиксируются изменения, происходящие за относительно короткие (от нескольких месяцев до нескольких десятилетий) временные отрезки.

Представляется, что результаты наблюдения за лексическим отображением динамики ценностей могут быть полнее, если, поставив задачей изучение развития того или иного слова на протяжении большего периода, привлечь к анализу данные не только современного русского литературного языка (толковые статьи из словарей, тексты публицистики и художественных произведений^[2]), но и диалектов, а также материал фольклора, сведения из истории языка. Использование

всех этих источников позволит проследить языковую жизнь лексемы (репрезентирующей определенную ценность) как в традиционной картине мира (это обеспечивает диалектный, общенародный и отчасти фольклорный материал), так и в книжной культуре (данные диахронии и литературного языка). Параллельное наблюдение над бытованием слова в народной и книжной традициях даст возможность установить их вероятные взаимовлияние и пересечение — или, напротив, относительную или полную автономность.

Заметить возможные трансформации в семантике и функционировании лексем не только в литературном языке, но и в диалектах реально, если выбрать для анализа слова из аксиологической сферы, которая, с одной стороны, достаточно устойчива, имеет долгую историю и входит в число базовых для человека, а с другой — подвержена изменениям, связанным с внешними, социальными или политическими факторами. Этими свойствами обладает, например, лексика религиозной сферы, претерпевшая значительные метаморфозы (связанные с общественными переменами), в частности в XX в., и тесно взаимодействующая с нравственно-этической и социальной сферами. Известно, что определение религиозной «аутентичности» (конфессиональной и внутриконфессиональной принадлежности, верного и последовательного исполнения религиозных ритуалов, соответствия религиозным нормам и установкам) кого-либо дает основания для приписывания этому лицу того или иного социального статуса и наделяет его моральными оценками^[3]. Представляется, что изучение языковой жизни слов, относящихся к сфере религии, а значит, находящихся на этом аксиологическом «средокрестье» (пересечение собственно религиозных, а также нравственных, социальных представлений), способно дать весьма показательные результаты.

В данной статье предлагается анализ изменений в семантике, прагматике и синтактике двух русских слов — *безбожник* и *беззаветный*. Оба они имеют в своем составе приставку *без-*. Префиксация с этим формантом по определению аксиологична, ср. замечание А. Ф. Журавлева о ее ценностном характере: «Естественно полагать, что специальное лексическое выражение, концептуальное выделение с помощью особой единицы лексического состава получает отсутствие или недостаток не любого, но лишь весьма значимого объекта или качества...» [Журавлев 1999: 12]. Кроме того, лексемы с префиксом *без-* часто обладают оттенком пейоративности, поскольку могут служить для обозначения аномалии: *без че-*

го-го (*ohne etwas*). В сфере религиозной диалектной и общенародной лексики это подтверждается фактом преимущественного присоединения *без-* к основам, имеющим позитивное значение (с получением негативной семантики «на выходе»), ср. сиб. *безвѣрый* 'не верящий в Бога' [Афанасьева-Медведева 2: 436] от *вера*, перм. *бескрѣстница* 'женщина, которая не носит креста' [СРНГ, 2: 268] от *крест*, прикам. *безмолѣтвенный* 'нечистый' [СРГЮП, 1: 48] от *молтва* и т. п. Единственное исключение, обнаруженное нами, — случаи сочетания префикса *без-* и основы *грех*, которая номинирует негативное явление, с положительным значением результирующего образования: например, пск. *безгрѣшный* 'несогрешивший, невинный' [ПОС, 1: 150]. При достаточно высокой активности образований вроде *безверный* или *безбожный* не существует дериватов с префиксом *без-* от основ типа *дьявол* или *черт* (т. е. обозначения сверхъестественных существ — противников Бога префиксации с данным формантом не подвергаются). Изучение динамики значения, коннотаций и сочетаемости образований с *без-*, имеющих свойства оценочности и пейоративности, способствует пониманию того, как «живет» в языке негация, как осмысливается отрицание, как оно сохраняется или, напротив, элиминируется под воздействием различных факторов (собственно языковых: естественные десемантизация, деэтимологизация — и внеязыковых: насильственное изменение (вплоть до полярного) оценочных коннотаций слов в рамках языковой политики государства).

Поскольку выбранные для анализа слова функционируют в разных языковых идиомах (лексема *безбожник* общенародная, а слово *беззаветный* принадлежит преимущественно литературному языку) и предположительно обладают разной степенью древности (*безбожник* в языке имеет долгую историю, *беззаветный* же впервые фиксируется в середине XIX в.), для их изучения привлекаются разные источники материала.

БЕЗБОЖНИК

По указанию Н. М. Шанского, слова *безбожие* и *безбожный* заимствованы из старославянского языка. Ст.-сл. «безбожьнь», «безбожьнии» отмечается уже в Изборнике Святослава 1073 г. и является словообразовательной калькой греч. *ἄθεος* 'безбожный', префиксального производного от *θεός* 'бог', а ст.-сл. «безбожие», в свою очередь, — калька греч. *ἄθεον* 'безбожный' [Шанский 2: 71].

В выборку из словарей русских говоров входят 5 лексем, образованных путем присоединения приставки *без-* к корню *бог-*,

и все они имеют прямые значения (с традиционными негативными коннотациями) 'неверие в Бога', 'неверующий в Бога': перм. *безбо́жеть* 'становиться безбожником' [СРНГ, 2: 181], пск. *безбо́жий, безбо́жный* 'неверующий в бога' («Стали безбожия, нарот прагряшыл»; «Теперь фсе безбожныи, Христа не признают») [ПОС, 1: 148], пск. *безбо́жник* 'кто не верит в бога' («Тяперь ня верят богу, с религией перервёт, безбожники пашли») [Там же]^[4], арх. *безбо́жной* 'неверующий в бога' [АОС, 1: 146].

Негативные коннотации и общая пейоративная семантика производных с префиксом *без-*^[5] приводят к расширению значения слова, ср. пск. *безбо́жник* 'о капризном ребенке' [ПОС, 1: 148], перм. *безбо́жеть* 'использовать для достижения чего-либо бесчестные приемы' [СРНГ, 2: 181], пск. *безбо́жный* 'эпитет всех врагов Руси: нечестивый, творящий зло' [ПОС, 1: 148]. В книжной традиции (очевидно, оказавшей влияние на традицию народную) представлены частотные контекстуальные партнеры *безбожия* — *лживость* и *нечестивость*. Более того, в Библии, церковной и святоотеческой литературе *нечестивый* часто является субститутом *безбожника*^[6], а в словарях старославянского и древнерусского языка эти лексемы определяются друг через друга, ср.: ст.-сл. «безбожьнь» 'sine Deo, impius, foedatus' [ССЯ, 1: 73], др.-рус. *безбожникъ* 'нечестивец' [СлРЯ XI—XVII, 1: 93], *безбожный* 'нечестивый, связанный с вероотступничеством' [Там же], *безбо́жный* 'беззаконный, нечестивый' [СлСРЯ, 1: 26], *безбо́жничать* 'не иметь страха Божия; поступать беззаконно, нечестиво' [Там же]; ср. также др.-рус. *нечестивый* (*нечьстивый*) 'нечестивый, безбожный' [СлРЯ XI—XVII, 11: 350], *нечестивовати* (*нечьстивовати*) 'быть нечестивым, грешить, совершать преступления' [Там же: 349].

Обратимся к примерам из текстов. Тенденция к контекстуальному соседству или синонимии слов *безбожник/безбожный* и *нечестивый* (в ряде случаев в значении существительного)/*бесчестный* (*лживый*) чрезвычайно сильна, ср. хотя бы библейское: *Но в пророках Иерусалима вижу ужасное: они прелюбодействуют и ходят во лжи, поддерживают руки злодеев, чтобы никто не обращался от своего нечестия* (Иер. 23:14; здесь и далее выделения в контекстах наши. — О. С.); *В надмении своем нечестивый пренебрегает Бога*» (Пс. 9:25); *Далек Господь от нечестивых* (Притч. 15:29), а также некоторые позднейшие тексты: *югда же оуже повъдано бысть безбожьноу оно и нечьстивоу повъданиу* [ССЯ, 1: 73]; *Хотя в настоящее время, за*

орехи наши, попущением Божиим, по Его непостижимым судьбам, ты, по-видимому, и превозмог, и нападаешь на благочестивых, — ты, нечестивый и безбожный (прп. Максим Грек); *Лицемеры бо, святыню себе притворяюще, прямые суть безбожники* (Феофан Прокопович); *Языком я могу сказать: я верю, что „едино сущи троится. О преславного обращения!“ Но если я скажу это, я буду лжец и безбожник* (Л. Н. Толстой) и мн. др.

Нечестивость *безбожника* как его основная характеристика приводит к появлению антонимической пары *безбожный* — *благочестивый*, ср. др.-рус. *благочестивый* 'христианский; православный', *благочестие* 'набожность, благоговение // истинная, христианская вера; православие' [СлРЯ XI—XVII, 1: 229], ср. в языке XVIII в. *благочестіе* 'иногда берется за веру христианскую' [САР, 6: 728]. Тем самым понятие религиозности (сам факт ее и «правильное» выполнение обрядов и обычаев) приближается к представлениям о чести. С одной стороны, известные современному русскому языку значения слова *честь* ('достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы', 'хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя', 'целомудрие, непорочность', 'почет, уважение' [Шведова 2007: 1090]) наследуют широкий диапазон значений ст.-сл. и др.-рус. «чьсть», которые можно обобщить в виде 'подобающий, достойный, вызывающий уважение', — и такая семантика имеет социальный «уклон» (хотя синкретизм нравственного, религиозного и социального смыслов этого слова чрезвычайно силен, и невозможно не учитывать вклад каждого из них). С другой стороны, *честь* может пониматься преимущественно в нравственно-религиозном ключе (ср. ст.-сл. «чьсть» 'набожность, богобоязненность' [ССЯ, 4: 904], ст.-сл. «чьстью» 'набожно' [Там же: 905], «чьстьнь» 'набожный, богобоязненный' [Там же: 906], рус. XVIII в. *честивый* 'набожный, почитаемый ради набожества' [САР, 6: 726]) и даже приобретать собственно религиозные смыслы: ст.-сл. «чьсть» 'почитание, культ, религия' [ССЯ, 4: 903], «чьстьнь» 'святой, священный', 'духовный, священнический' [Там же: 906, 907], ср. также титулы священнослужителей, отмеченные в XVIII в., — *честный* или *честнѣйшій отецъ* 'название из учтивости придаемое протоиереям, священникам и диаконам' [САР, 6: 727] и *Всечестнѣйшій* или *Пречестнѣйшій отецъ* 'титло, придаемое архимандритам, игумнам, также и протоиереям' [Там же].

Нечестивость (а также *лживость* и *неправедность*) — основная характеристика

врагов в частотной ситуации, когда иноверие становится основой категории «чуждости», а оппозиция «свой — чужой» строится на признаке принадлежности к христианству вообще и православию в частности (ср. многочисленные обозначения типа *нехристь*, *неверок*, *язычник*, *иудей* и проч.; подробнее о мотивационной специфике ксенономинации см.: [Березович 2007: 404—467]), например: др.-рус. *безбожный* 'не знающий бога, языческий, не христианский' [СлРЯ XI—XVII, 1: 93], др.-рус. *безбожие* 'неверие в бога, отсутствие истинной (т. е. христианской) веры' [Там же], рус. *безбожие* 'отрицание бытия Бога; непризнание христианства или православия' [СлРЯ XVIII] и, наконец, др.-рус. *безбожьныи* 'эпитет всех врагов Руси: литвы, татар, половцев и т. д., иногда с прибавкою: *оканьныи*, *поганьи сыроядець*' [Срезневский, 1: 50]. Разнообразие врагов и их *безбожие* демонстрируют некоторые контексты: ст.-сл. *поплгънивь славьных грады безбожьныхъ срацинь; безбожьство съ егуптскимъ зломъ* [ССЯ: 73], др.-рус. *Еллиньскимъ ... обдержими безбожници <татары> отъ Торжку Серегьрьскимъ путемъ; Да и самого того короля <польского>, лютаго врага сопостата нашего, и его способниковъ, такихъ же безбожниковъ, яко же онъ* [СлРЯ XI—XVII, 1: 93]; *Сий же безбожный совет их <литовских панов> сие безбогонадежное умышление их, сию душу и гордую славу ума их король их слышав* [ПОС, 1: 148]; *Безбожие Магометово; А он изменник, гетман Мазепа, перешел к неприятелю с таким злым и безбожным умыслом, дабы Малороссийский народ предать под иго Шведам и Польяком* [СлРЯ XVIII, 1: 162].

Именно эта «иноверческая» линия развития семантики *безбожного* закрепляется в народной традиции — *безбожными* зовутся захватчики, правители чужих земель (ср. у казаков-некрасовцев: безверная вера 'мусульмане, некрещеные // нехристь' [СГКН: 31]), ср. тексты былин: «*Что ты батюшка быстрый Днепр, / Не по-старому течешь ты, не по-прежнему?*» / — «*Надо мной стоит сила неверная / Того **Мама** безбожного*» («Сухман»); *А во том-то городе во Корсуне / Ни царя-то не было, ни царевича / <...> Тут жила-была **Маринка** дочь **Колдаёвна**, / Она <...>, еретица была, **безбожница*** («Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна»); *А и пришло, видно, в полон отдать / Славный город наш Киев-от / А и безбожному царю уж как **Калину**; Ужь слух доходяше русским князем, яко **безбожнии татарове** мнози страны поплениша: ясы,*

обези, касоги и безбожных половец множество избиша. Сюда же должны быть отнесены сказка «Про **Мама** безбожного» и фрагмент текста архангельского заговора, в котором упоминается, по всей видимости, ветхозаветный Урий (вероятней всего, имеется в виду певец Урий (Езд. 10:24), «взявший жену иноплеменную» и «тем увеличивший вину Израиля»). Если принять эту версию, обоснованными становятся эпитет *безбожный* и наказание для певца — *заграждение уст*: *Горе сатаны и демономъ и бгъсомъ и горе еретикомъ, которыи бгъсовзкiе полки призываютъ, и имъ Господь заградить уста, аки у Вала-сама волхва, и аки **Урия безбожнаго*** («Слова от порчи») [Ефименко 1878: 151].

Расширение значения в сторону общей негативной характеристики — общая тенденция для префиксальных конструкций с элементом *без-*, и она также проявляется в семантическом развитии слова *безбожник*. В частности, расширением пейоративности данной лексемы обусловлено ее употребление в качестве иронической характеристики попа в сказках о смерти собаки/козла: *Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, **безбожник**, как нес кобеля мимо церкви — не отслужил по нем панихиды.* Вообще народная традиция, по всей видимости, слабо осваивает лексику, образованную по модели «*без- + бог-*». Об этом свидетельствуют невысокая частотность такой лексики в фольклорных текстах^[7], узкая сочетаемость и небольшая глубина семантической деривации (линия «иноверчества», вероятно, заимствована из книжной культуры).

Изменения в прагматике и синтактике дериватов с префиксом *без-* от корня *бог-*, произошедшие в литературной традиции под влиянием экстралингвистических факторов в XIX и XX вв., весьма существенны.

Как показывает анализ художественных текстов и мемуаристики, во второй половине XIX в. *безбожие* утрачивает исключительно негативную семантику, что обусловлено почти вековым на тот момент влиянием вольтерьянства и распространением в России идей немецких философов-атеистов. *Безбожие* еще не оценивается положительно, но уже оправдывается, ср. контексты типа *Я стал об Василии Кельсиеве вспоминать и говорю: хоть и **безбожник** он был, и детей своих не крестил, и пьяница, а уж что за **умнейший** человек-то...* (1883, К. Н. Леонтьев), *Шопенгауэр — **закоренелый безбожник**; но мне кажется, что его **открытое**, нередко доходящее до кощунства **безбожие**, для искреннего верующего серд-*

ца должно быть симпатичнее, нежели то деликатное упразднение всего существенного веры — иногда под видом ее философского обоснования... (1888, Л. М. Лопатин), *Это был многоглаголивый генерал и камергер Алексей Михайлович Пушкин, остряк, вольтериянец, циник и безбожник* (1850—1860, Ф. Ф. Вигель), *Окружили меня образованные безбожники и ученые люди, гласные гор. думы и царицынские купцы* (1910, проповедь иером. Илиодора). Уже из приведенных отрывков заметно, что контекстными партнерами *безбожника* чаще всего становятся слова, содержащие характеристики мыслительной деятельности и интеллектуального уровня человека (*ученый, образованный, умный* и под.), а атеизм понимается как прерогатива («простительная шалость») интеллектуальной элиты. Однако же, естественно, процесс переосмысления безбожия не был всеобъемлющим, а традиционное христианское к нему отношение сохраняется и доминирует (ср. хотя бы следующее свидетельство из «Русского голоса» за 1908 г.: *Гласный Андион, лидер союза русского народа протестуя против чествования, с криком: „Левка Толстой — еретик, безбожник“, покинул зал.*)

После революции 1917 г. государственная атеистическая идеология «спускает сверху» однозначно позитивное отношение к безбожию, а лексика, образованная по модели «без- + бог-», не только утрачивает негативные коннотации, но даже и развивает новое (нейтральное) значение. Это касается в первую очередь слова *безбожник*, приобретшего статус идеологемы: оно употреблялось в значении 'активист в области атеистической пропаганды' [Скляревская 2001; Скляревская СПЦК: 28]. Ср. дефиниции префиксальных дериватов с *без-* от корня *бог-*, представленные в толковом словаре Д. Н. Ушакова: *литер. безбожие* 'отрицание бога // борьба с религией, антирелигиозная идеология или деятельность (нов.)', *безбожник* 'человек неверующий в бога, атеист // член антирелигиозного общества; лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду (нов.)', 'употреблялось как укор. бран. слово в знач. дурной, озорной человек (устар.)', *безбожный* 'прил. к *безбожие* и к *безбожник*; антирелигиозный (нов.)', 'бессовестный, возмутительный (разг. устар.)', *безбожнический* 'прил. к *безбожник*', *безбожничать* 'совершать безбожные поступки (разг. устар.)', *безбожница* 'женск. к *безбожник*' [Ушаков]. Обращают на себя внимание не только пометы «устар.» при дефинициях, отражающих традиционную семантику *безбожия*, но и частеречное разнообразие лексем, свиде-

тельствующее о большой значимости нового концепта.

Принципиальная важность идеологемы *безбожник* подтверждается также активностью слова в ономастике: в 1922 г. возникла газета «*Безбожник*» (существовавшая до 1941 г.), журналы «*Юный безбожник*», «*Безбожник у станка*» и даже «*Безбожный крокодил*»^[8]; в 1925 г. был создан «Союз воинствующих безбожников» (о деятельности этой организации см., например: [Проскура 2002]). Существовали колхозы с именем «*Безбожник*» (например, в Лиозненском р-не Витебской обл., в Малопургинском р-не Удмуртской АССР, в Кудеверском р-не Псковской обл.). Широко распространен был ойконим *Безбожник* (так названы поселки в Гордеевском р-не Брянской обл., в Татарском р-не Новосибирской обл., в Новоусманском р-не Воронежской обл., в Сосковском р-не Орловской обл., в Мурашинском р-не Кировской обл., в Алатырском р-не Чувашской АССР, в Чечерском р-не Гомельской обл. Белорусской ССР). Появился ряд антропонимов: русские фамилии типа *Безбогов, Безбожнов, Безбожный* (ср. также фамилии *Безверков, Безверный* и проч.). Эти и подобные фамилии могли возникнуть и ранее, а в основе мотивации в таком случае лежали представления о нравственных качествах человека или его принадлежности к секте или иной конфессии. Однако активность «атеистической» лексики в начале XX в. столь высока, что позволяет предположительно относить появление по крайней мере части данных антропонимов именно к этому периоду. Интересно, что *безбожный* может составлять пару «религиозным» онимам (по принципу противопоставления), особенно в топонимии: так, широко известен *Безбожный* (бывший *Протопоповский*) переулочек в Москве (он прославлен в том числе Б. Ш. Окуджавой: «Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант. / В Безбожном переулочке хиреет мой талант»). «Свои» *Безбожные* улицы и переулки есть, например, в Рязани, Новосибирске и Перово (ныне район Москвы).

Об исчезновении негативных коннотаций у лексики, образованной по модели «без + бог-», свидетельствуют и многочисленные контексты из художественной литературы и публицистики. Приведем некоторые из них: *Эти по-настоящему великие люди — чаще всего безбожники и материалисты — все почти доживали до глубокой старости и спокойно, без лишних ахов, криков и причитаний, отходили, как говорилось раньше, „в царство теней и неизвестности“* (М. М. Зощенко); *В станице сейчас нет ни одного неграмотного, все безбожники, введено*

всеобщее обучение <Газетная вырезка> (М. М. Пришвин); *С полной откровенностью могу сказать, что философ не научил меня равнодушно относиться к собственной гибели и жизнь для меня по-прежнему мила во всех ее проявлениях, но старый безбожник разрушил мою детскую веру в небожителей, и я пустился в житейское плавание с душою, освобожденной от жалких предрассудков и ложных суеверий* (А. П. Ладинский). Безбожие в значении 'антирелигиозная деятельность' приобретает невозможную прежде сочетаемость, ср., например: *К этому сословию, презираемому и осмеянному всеми агитами и стеназами, директор, старый профессиональный безбожник, таил какую-то особую слабость* (Ю. О. Домбровский); *Товарищ Кабанов, активный безбожник, сообщал в ПК...* (Ю. П. Анненков). Безбожие как неверие в бога, атеизм — единственно возможная и «правильная» позиция, поэтому автономизация безбожник нейтральна и частотна, ср.: *Пожалуй, другой мальчик — не такой безбожник, как я, — стал бы идолопоклонником и навсегда уверовал бы в жабу, коня и зайца* (В. Каверин); *Я не боюсь покинуть этот мир, хоть я — совершенный безбожник* (В. Шаламов). Ср., с другой стороны, пафос традиционного понимания безбожия у А. Солженицына: *Если ты усумнишься хоть в одном догмате веры, хоть в одном слове Писания, — всё разрушено!! ты — безбожник!*

Что касается отражения вышеописанных сдвигов в коннотациях и сочетаемости лексемы *безбожный* в народной традиции, то в ней, по всей видимости, не фиксируются изменения устоявшейся семантики, прагматики и синтактики данного слова. Вышедшие в 1929 и 1930 гг. сборники «Частушки: Безбожный перезвон», «Безбожные частушки» и «Безбожный песенник» к народному творчеству отношения не имеют, они включают в себя авторские тексты (И. и С. Кузнецовых, А. Д'Актиля). Собственно народные антирелигиозные частушки, безусловно, существуют, что объясняется наибольшей «оказиональностью» этого жанра среди других народных, его открытостью, возможностью сочинения и исполнения частушек «на случай»; частушки — своеобразная «новостная лента», фиксирующая изменения в жизни общества. Ср. хотя бы *Мой-то дроля комсомолец, / Я сама-то РыКыПы. / По советам обвенчаемся, / Не надо нам попы* [ЧЗСВ. № 346: 42]; *Оборвался бог с небес / Со всего размаху, / Он задел за облака — / Разорвал рубаху* [ЧЗСВ. № 6728: 306] и под. Однако и в таких текстах нам не удалось об-

наружить ни одного случая употребления слов *безбожник* или *безбожный* (и даже предложно-падежной конструкции *без бога*). Можно предположить, что такая лакуна (при активности идеологемы в официальном дискурсе) связана с невключенностью лексемы *безбожник* в традиционный частушечный словник (в дореволюционных частушках слова, образованные по модели «без- + бог-», также не встречаются). Кроме того, традиционный положительный герой частушки — или собственно автор и ее исполнитель («я»), или «миленочек», и автономизация (или характеристика «дролечки») словом *безбожник*, традиционно отягощенным сильнейшими негативными коннотациями (возможная в рамках политического дискурса), слабо представима. Одно дело новое положительное самоназвание *комсомолочка*, с легкостью вошедшее в язык частушки («Не пойду сегодня в церковь, / Я не богомолочка, / Записуся в комсомол, / Буду комсомолочка» [ЧЗСВ. № 1707: 99]), и совсем иное — древний *безбожник* — враг и иноверец.

В конце XX — начале XXI в., вместе с возвращением религии и религиозно-церковной лексики (о чем см., например: [Скляревская 2001]), семантический вектор слов *безбожник*, *безбожие* и *безбожный*, функционирующих в литературном языке, меняет направление в сторону «прежнего» значения, которое имеет негативные коннотации. Ср. отсутствие стилистических временных помет в дефинициях, представленных в словарях Н. Ю. Шведовой, Т. Ф. Ефремовой и С. А. Кузнецова: литер. *безбожник* 'человек неверующий, отрицающий существование Бога' [Шведова 2007: 35], *безбожник* 'тот, кто отрицает существование Бога, не верит в Бога', *перен.* бессовестный, бесчестный человек' [Ефремова 2000], *безбожие* 'отрицание существования Бога' [Шведова 2007: 35], 'отрицание существования Бога, отказ от религиозных верований' [Ефремова 2000; Кузнецов 1998: 65], *безбожный* 'не признающий существования Бога', 'недопустимый, бессовестный (разг.)' [Шведова 2007: 35], 'отрицающий существование Бога (о человеке) // противоречащий религиозно-нравственным нормам; греховный', 'не знающий меры; бессовестный (разг.)', 'очень сильный; возмутительный (разг.)' [Кузнецов 1998: 65] (о ликвидации идеологического маркера в толкованиях лексемы *безбожник* в словарях постсоветской эпохи см.: [Михайлова 2004: 99]). Кроме того, очевиден «светский» поворот семантики слова *безбожный* (преимущественно), связанный с упоминавшимся выше расширением пейоративной семантики образований с приставкой *без-*. Иллюстратив-

ные зоны толкования *безбожного* (в расширенном негативном значении) в словарях современного русского языка включают ряд одних и тех же словосочетаний. Типовые контекстные партнеры «светского» *безбожного* (и наречия *безбожно*) — лексемы *враль* (*врать*), *плут*, *пьяница* (*пить*), *путать*. Попытки же «возродить» атеистический пафос советской идеологемы *безбожник* (в число коих входят, например, создание в 2001 г. журнала «Новый безбожник» или перформанс художника Авдея Тер-Оганьяна «Юный безбожник», устроенный в 1998 г.) пока расцениваются как постмодернистская игра.

Интересно сопоставить семантические, сочетаемостные и прагматические особенности слова *безбожник* и его синонима *атеист* (а также пары *безбожие* — *атеизм*). Как упоминалось выше, *безбожник* — словообразовательная калька греческого *ἄθεος*, известная с начала XI в. Лексемы *атеист* и *атеизм*, по данным словаря Н. М. Шанского, заимствованы в XVIII в. из французского языка (фр. *athéisme* образовано с помощью суффикса *-isme* от *athée* 'безбожный > безбожник', представляющего собой пероформление греч. *ἄθεος*), слово *атеизм* впервые фиксируется в словаре Яновского 1803 г., а *атеист* — в словаре Нордстета 1780 г. [Шанский, 1: 170].

Атеист и *атеизм* могут толковаться через лексемы *безбожник* и *безбожие*: литер. *атеизм* 'неверие, безверие, безбожие; неверование в бытие Бога' [Даль, 1: 28], 'система взглядов и убеждений, отрицающая существование Бога, отвергающая религиозные верования и обряды; безбожие' [Кузнецов 1998: 50], *атеист* 'безбожник, отрицающий существование бога' [Ушаков]. Однако достаточно позднее появление *атеиста* при давно существующем в языке *безбожнике* обусловило различия в их функционировании и широте семантического спектра: слово *атеист* имеет исключительно книжный характер и, в отличие от лексемы *безбожник*, лишено семантической деривации. Кроме того, для *атеиста* характерны терминологическая окраска и отсутствие пейоративности, присущей *безбожнику* в том числе за счет смыслового и коннотативного вклада негативизирующей приставки. Поэтому автономинация (и номинация) *атеист* частотна и нейтральна начиная с XIX в. и по сей день (негативный оттенок достигается присоединением к слову *атеист* нелестных и ругательных эпитетов и общим смыслом контекста (средствами негативизации любых нейтральных слов), ср.: *Семинарист проклятый, атеист дешевый* (1850—1881, Ф. М. Достоевский)), ср. некоторые примеры:

Вера сказала, что она не верит в бога, и Алексей Митрофанович протянул ей руку и объявил, что он тоже атеист (1880—1910, Т. Л. Сухотина-Толстая); *Я убежденный атеист и поэтому с удовлетворением отмечал, что журнал „Наука и жизнь“ остался одним из немногих изданий, в которых „клерикализация“ не проявлялась в такой мере, как во многих других* (2007, А. Баскин); *Я вообще атеист, если хочешь знать* (2000, А. Рыбин); *Я атеист, и мои взгляды на религию отражены, в частности, в статьях, помещенных в книге* (2008, В. Л. Гинзбург).

Атеизм умозрительен, это система идеологических установок (литер. *атеизм* 'система взглядов и убеждений, отрицающая существование Бога и отвергающая всякую религию' [Ефремова 2000], 'совокупность положений, отвергающих веру в Бога, в сверхъестественные силы и вообще всякую религию' [Шведова 2007: 23]), потому *атеист* предстает, по всей видимости, более пассивным, чем *безбожник* (враг, греховодник, активный борец с религией), ср. цитату из статьи «Религия революции» Н. Устрялова: «Атеист отрицает по Дарвину, и спокоен равнодушным безразличием», а также фрагмент из романа «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского: Я его еле помню. Атеист он был ярый. Впрочем, может быть, и не атеист, а богоборец — такие тоже тогда бывали. Атеизм менее агрессивен, чем безбожие, потому атеист может уважать религиозные принципы, ср. хотя бы следующий пример: *Во избежание недоразумений скажу, что я — атеист, но неплохо знаю все основные религии и их священные писания и отношусь к ним с глубоким уважением* (2002, В. А. Яковсон).

Умозрительность мышления атеиста обеспечивает слову *атеист* постоянных контекстных партнеров — абстрактные существительные-термины, обозначающие те или иные идеологические принципы, взгляды и убеждения, ср. некоторые контексты из художественной литературы и публицистики: *Попросту сказать, он был атеист, то есть фармазон и отчасти волтерианец* (1830, А. А. Бестужев-Марлинский); *Немец, дающий уроки музыки, латыни, всех литератур и всех искусств из насущного пива, атеист, космополит, презирующий все нации* (1864, А. И. Герцен); *По убеждениям своим он материалист, атеист и нигилист* (1869, Ф. М. Достоевский); *Современный обитатель города рационалист, атеист и радикал* (1922, А. М. Деборин); *Пантеист, атеист, рационалист-деист, сознательный лжец, играющий роль рус-*

ского Ренана или Штрауса, величайший мыслитель нашего времени, жалкий диалектик и так далее и так далее и, наконец, даже проповедник морали эгоизма (1928—1935, М. Горький) и мн. под. Что касается устойчивых характеристик *атеиста* и *атеизма*, то чаще всего текстовыми партнерами этих слов становятся прилагательные *научный, убежденный, воинствующий, ярый*.

Несмотря на расхождения в семантике и сочетаемости лексем *безбожник* и *атеист*, возможно их контекстуальное сближение и отождествление стоящих за ними близких понятий: *Мой папа — атеист, безбожник, не верящий ни в ад, ни в рай, он даже сны никогда не видит* (1999, Р. Полищук); *И это вовсе не потому, что я такой уж закоренелый атеист, „воинствующий безбожник“* (1991, Б. Сарнов). Представляется, что это связано не только с понятийной близостью атеизма и безбожия, но и с традицией употребления соответствующих языковых единиц в послереволюционный (начиная с 20—30-х гг. XX в.) период: так, например, устойчивые словосочетания *воинствующий атеист* и *воинствующий безбожник* взаимозаменяемы и обозначают одну реалию. Параллель можно провести и в отношении функционирования рассматриваемых слов в ономастике: наряду с упоминавшимися выше периодическими изданиями «Безбожник», «Юный безбожник» и проч. существовал (с 1925 по 1936 гг.) журнал «Атеист». Однако лексема *атеист* менее активно, чем *безбожник*, участвует в пропагандистском дискурсе и, по всей видимости, не приобретает статуса идеологемы, несмотря на то что нейтральное, не отягощенное негативными коннотациями и относительно «молодое» слово, казалось бы, больше подходит для наделения его новым содержанием. Остается предположить, что *безбожник* оказался предпочтительнее для власти в силу его общенародности и общедоступности, а груз пейоративности этого слова (так и не избытый) показался легче бременю «научности» *атеиста*.

БЕЗЗАВЕТНЫЙ

Лексема *беззаветный* рассматривается в одном ряду со словом *безбожник*, поскольку ее производящая основа (*завет*) имеет в том числе и религиозное значение — ‘договор между Богом и людьми’ (слово *завет* восходит к ст.-сл. *вътъ*, которое родственно лит. *vaitenù* ‘сужу, обсуждаю, полагаю’, др.-прус. *waitiāmai* ‘мы говорим’, *waitiāt* ‘говорить’, авест. *vaēd-* ‘установить судебным следствием’, *vaēda* ‘судебное заключение’ [Фасмер 1: 305], др.-в.-нем. *gi-waht* ‘упоми-

вание, слава’, латин. *vosb* ‘зову, вызываю, взываю’, др.-инд. *vakya* ‘слово’, ‘речь’, ‘диспут’, ‘заявление’ [Черных, 1: 312]; индоевропейский корень восстанавливается в виде **uek*^u ‘говорить, держать речь’ [Там же])^[9]. Однако анализ динамики значения и сочетаемости *беззаветного* требует иного подхода, чем в случае с *безбожником*, поскольку данная лексема функционирует, по всей видимости, преимущественно в книжной традиции: в словарях русских говоров и в фольклорных текстах практически отсутствует лексика, образованная по модели «без- + завет-». В связи с этим источниками сведений о бытовании *беззаветного* становятся исторические словари и толковые словари современного русского литературного языка, а также художественные и публицистические тексты (по данным НКРЯ).

Толковые словари современного русского языка представляют значение слова *беззаветный* следующим образом: литер. *беззаветный* ‘самоотверженный и героический (высок.)’ [Шведова 2007: 36], ‘чуждый всякого расчета; самоотверженный (высок.)’ [Ефремова 2000; Кузнецов 1998: 66], ‘преисполненный безусловного, полного доверия, преданности; откровенный (высок., устар.)’ [Ефремова 2000]. При анализе дефиниций обращают на себя внимание два факта: стилистические пометы «высокое» (отражающие преимущественно книжный характер слова) и наличие атрибутивных сочетаний, образованных по модели *беззаветный*: определение при существительном + *N* (существительное). В иллюстративных зонах толкований представлены идиоматичные выражения, позволяющие определить, какие слова являются типовыми контекстными партнерами *беззаветного*: *беззаветное служение* [Кузнецов 1998: 66; Шведова 2007: 36], *беззаветный труженик (труд)*, *беззаветная преданность*, *беззаветно любить* [Кузнецов 1998: 66]. Анализ данных НКРЯ дает возможность включить в этот список лексемы *любовь, дружба, вера, храбрость* и *борьба* (речь идет о наиболее частотных контекстных партнерах; в целом же прилагательное *беззаветный* имеет относительно свободную и широкую сочетаемость).

Слово *беззаветный* наделяется исключительно позитивными коннотациями и используется преимущественно в качестве положительной характеристики человека, его чувств и действий по отношению к социуму (патриотизм, самоотверженность, героизм). Однако социальный компонент семантики (определяющий сочетаемость и определяемый ею) не всегда был доминирующим, что подтверждает исследование текстового материала.

По всей видимости, слово *беззаветный* получает широкое распространение в книжном языке в середине XIX в. Об этом свидетельствуют данные исторических словарей и НКРЯ. Лексема *завет* полисемантическая (др.-рус. «завѣтъ» 'договор, взаимное непреложное обещание', 'непреложное повеление, предписание, заповедь', 'завещание', 'обет; дар, приносимый по обету' [СлРЯ XI—XVII, 5: 146—147]), некоторые ее значения синонимичны слову *закон*, которое активно образует префиксальные дериваты с формантом без-^[10] (ср. др.-рус. «завѣтъ» 'закон, заповедь' [СДРЯ, 3: 290]), и эти факторы среди прочих обеспечивают ее продуктивность в качестве производящей основы. Тем не менее в изученных нами словарях старославянского, древнерусского и русского языков [СДРЯ; СлРЯ XI—XVII; ССЯ; Срезневский; СЦСРЯ; СОРЯ XVI—XVII] и в «Словаре Академии Российской» (язык XVIII в.) ее производное *беззаветный* не зафиксировано^[11]. Это слово появляется в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (середина XIX в.) без указания места распространения: *беззаветный* 'на что нет завета, завещания или запрета' [Даль, 1: 63]. Из дефиниции понятно, что значение лексемы *беззаветный* напрямую выводится из значения слова *завет*; ср. также ст.-рус. *завѣтный* 'содержащий непреложное повеление, строгое предписание' [СлРЯ XI—XVII, 5: 147].

Однако анализ контекстов, относящихся уже ко второй половине XIX в., демонстрирует сдвиги в семантике данной лексемы. Так, слово *беззаветный* с середины XIX до начала XX в. применяется в качестве характеристики чувств и поступков, направленных на другого человека (т. е. приобретает «интимное» значение), ср. некоторые примеры: *Мать страстно любила дочь свою, и, кажется, эта беззаветная привязанность вызвала охлаждение к мужу* (1842, П. А. Висковатый); *Вот не думал, не знал, что налетит страсть роковая, — вот она, любовь безумная, беззаветная* (1896, З. Н. Гиппиус); *Острая, мучительная жалость и беззаветная любовь наполнили мое сердце при виде так незаслуженно обиженной мною подруги* (1903, Л. А. Чарская). (В этот же период, по всей вероятности, за лексемами *любовь* и *преданность* закрепляется статус наиболее частотных контекстных партнеров *беззаветного*.) Значение *беззаветного*, выводимое из этих контекстов, соответствует поданному в словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000] как «устаревшее»: 'преисполненный безусловного, полного доверия, преданности; откровенный'. Но такая дефиниция, по всей видимо-

сти, не охватывает других семантических оттенков слова *беззаветный*, о которых можно судить по контекстам второй половины XIX в. Так, возможно следующее употребление данной лексемы: *Он сразу почувствовал, что ему в высшей степени приятно и легко в присутствии этого благодушного толстяка, и с удовольствием подумал: как это хорошо, что у такой прелестной девушки такой, по-видимому, беззаветный добряк отец* (1889, А. И. Эртель). Ср. другие случаи, в которых реализуется иной оттенок значения *беззаветного* (относящийся к сфере эмоций, в отличие от первого случая, где отражены представления о личностных качествах человека): *Зато как же шла улыбка к этому лицу, как же шел к ней смех, веселый, молодой, беззаветный!* (1866, Ф. М. Достоевский); *Далеко, под сводом платанов, несетя беззаветный хохот этой привилегированной группы* (1880—1881, М. Е. Салтыков-Щедрин), ср. также раритетное для XX в. употребление у Дона-Аминадо: *Русская ностальгия неизбежно врывалась в веселый, не совсем, впрочем, беззаветный смех* (1954). Представляется, что в случае *беззаветный добряк отец* контекстный смысл можно сформулировать в виде 'самоотверженно проявляющий положительные душевные качества'. В сочетании *беззаветный смех* значение *беззаветного* — 'без ограничений, ничем не сдерживаемый', 'естественный, выражающий подлинные эмоции'. Эти новые для XIX в. значения (и определенное Т. Ф. Ефремовой, и сформулированные нами) получают определенный семантический импульс от «прямого» (поданного в словаре В. И. Даля) смысла *беззаветного*: 'на что нет запрета' → 'без ограничений, ничем не сдерживаемый' → а) 'откровенный' (Ефремова) // 'естественный, выражающий подлинные эмоции' → б) 'самозабвенный самоотверженно проявляющий положительные душевные качества'.

Социальное значение слова *беззаветный* (т. е. приложимость данного определения к чувствам и поступкам, которые направлены на государство, общее дело, связаны с героизмом, самоотверженностью во имя гражданского долга, патриотизмом) существует в XIX в. параллельно и равноправно значению «интимному» (когда *беззаветный* характеризует чувства, направленные на другого человека, — любовь, страсть и проч.). Можно предположить, что сама возможность появления социальной семантики связана с социокультурным и философским фоном эпохи. Развитие русской философской мысли в 40-х гг. XIX в., споры западников и славянофилов, деятельность

кружков Станкевича, Герцена и Огарева приводят к особой акцентированности идеи патриотизма, к рефлексии над отношениями личности и государства, общего дела, поэтому употребление слова *беззаветный*, обозначающего чувство крайней степени интенсивности, по отношению не к человеку, а к стране, обществу, делу вполне закономерно. Появившееся в XIX в. «социальное» значение *беззаветного* закрепляется и существует неизменно до начала XXI в., ср. некоторые контексты: *Преданность делу бескорыстная и беззаветная, честность самая строгая* (1863, М. Е. Салтыков-Щедрин); *Неодолимая сила советского патриотизма, живущая в нашем народе, беззаветная преданность трудящихся страны победившего социализма бессмертному делу Ленина — Сталина...* (1950, «Советское искусство»); *Невольно вспоминается другой великий русский ученый, академик А. Д. Сахаров, его беззаветная борьба за справедливость* (2003, Б. Кушнер). Более того, социальный компонент семантики лексемы *беззаветный* в XX в. становится доминирующим, а употребление этого слова в «интимном» значении если не утрачивается (ср. возможность появления выражений типа *беззаветно любить детей*), то минимизируется. Вероятно, это стоит связывать с активностью «социального» *беззаветного* в публицистике, что приводит к обретению им статуса идеологемы, а выражения типа *беззаветный труд* или *беззаветная борьба* становятся клише, присущими высокому стилю речи.

Стоит отметить, что пик популярности слова *беззаветный*, по данным НКРЯ, при-

ходится на середину 1950-х гг. (возможно, такая востребованность характеристики *беззаветный* в это время связана с базовой для эпохи идеей созидательного и самоотверженного строительства), а в последнее десятилетие активность употребления данной лексемы резко снижается (см. рис. 1, на котором показано распределение частот на миллион словоформ по годам). При анализе показателей следует учитывать, что исследовалась частотность формы ед. ч. мужского рода прилагательного *беззаветный*, т. е. в выборку вошли выражения, где *беззаветный* характеризует существительное мужского рода; можно предположить, что наиболее частотны атрибутивные сочетания-клише типа *беззаветный труд*. Рисунок 2 демонстрирует частотность слова *беззаветное* (средний род), причем результаты оказываются сходными (вероятно, наиболее частотны клише вроде *беззаветное служение*). На рисунке 3 отображены итоги анализа формы единственного числа женского рода *беззаветная*, давшего иные результаты: слово активно не только в середине XX в., но и на протяжении всей второй половины XIX в., т. е. с момента появления, а особенно частотно в 1890—1920-х гг. — во время расцвета новой сентиментальной прозы (в которой возможно употребление сочетаний типа *беззаветная любовь*). Однако все три грамматические формы прилагательного *беззаветный* теряют широкую употребительность в начале XXI в., и это, вероятно, обусловливается современной попыткой отказа от советской идеологемы.

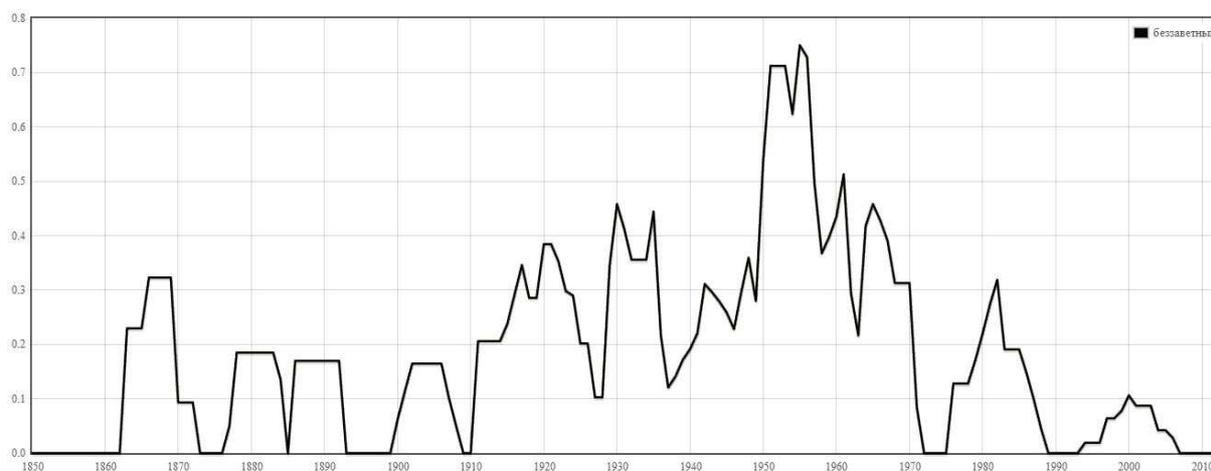

Рис. 1. Частотность формы «беззаветный»

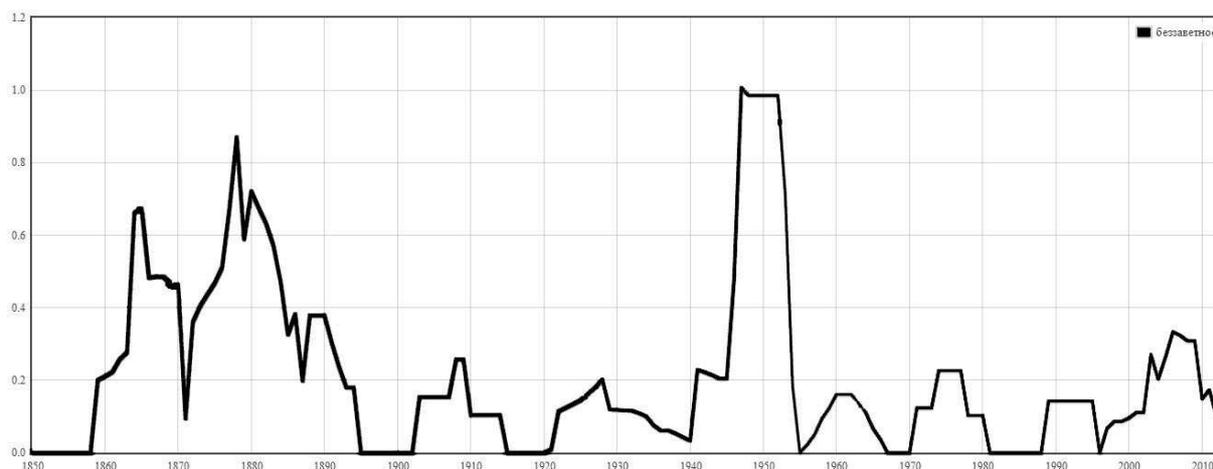

Рис. 2. Частотность формы «беззаветное»

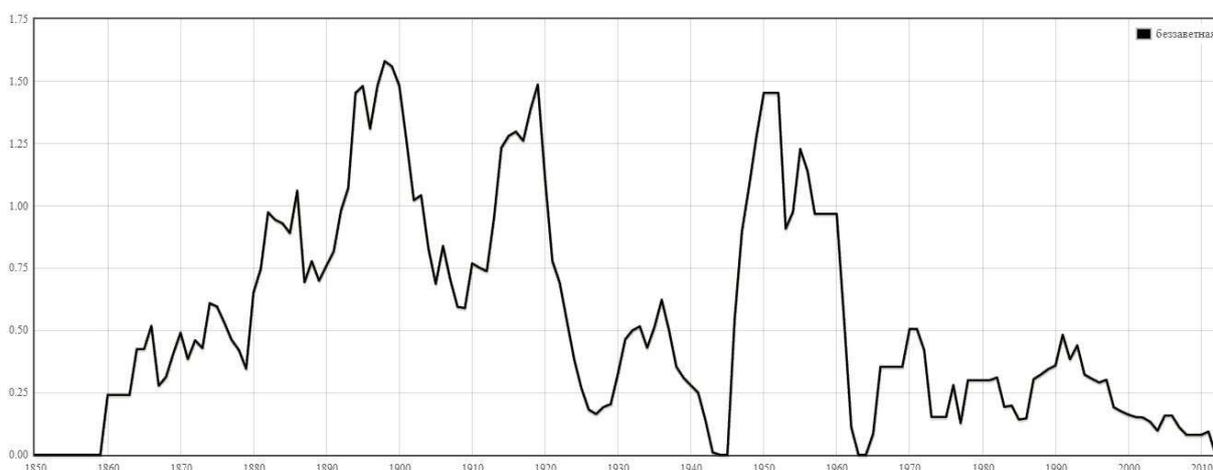

Рис. 3. Частотность формы «беззаветная»

Что касается степени идиоматичности лексемы *беззаветный*, функционирующей в литературном языке, то очевидно, что внутренняя форма этого слова затемнена, о чем свидетельствует хотя бы разрыв между значениями префиксальной конструкции с *без-* и приставочной лексемы: *беззаветный* 'самоотверженный и героический (высок.)' [Шведова 2007: 36] и *заветный* 'сокровенный, душевный', 'свято хранимый, оберегаемый, дорогой по воспоминаниям', 'скрываемый от других, тайный' [Там же]. Очевидны разные направления семантического развития образования с *без-* и производящей основы, однако можно предположить, что дополнительным фактором идиоматизации и стирания внутренней формы слова является собственно процесс префиксации с формантом *без-*.

Если обратиться к бытованию слов, образованных по модели «*без-* + *завет-*» в диалектах, то можно отметить, что нам удалось обнаружить единственный случай в архангельских говорах — *беззаве́тной* 'хороший, приятный (?)': «Анютини гласки

вот уш беззаве́тны-то, хорошы» [АОС, 1: 149]. Происхождение этого гапакса неясно: неорганичность слова для народной традиции и его «неприжитость» подтверждаются семантической размытостью и неточностью формулировки дефиниции. Носитель диалекта, по всей вероятности, ощущает общую положительную окраску слова *беззаветный*, но не чувствует тонкостей значения и сочетаемости.

Итак, предпринятое исследование семантических, коннотативных и сочетаемостных метаморфоз лексем *безбожник* и *беззаветный*, объединенных принадлежностью к семантическому полю «Религия» (для слова *беззаветный* эта принадлежность — историческая) и наличием в их составе приставки *без-*, позволяет сделать некоторые выводы относительно отражения в разных языковых идиомах динамики отношения общества к определенному пласту ценностей и о корректирующей этот процесс роли нега-

тивирующего префикса. Кроме того, при анализе бытования в языке отдельных префиксальных лексем с формантом *без-* в некотором смысле проясняется «судьба» пейоративности: возможно ли изменение семантического и коннотативного «знака» лексем с минуса на плюс и наоборот. Изучение функционирования слова *безбожник* демонстрирует устойчивость негативных коннотаций и пейоративной семантики: эта лексема не становится «положительной» или хотя бы нейтральной даже при активных попытках «спустить сверху» новый ее смысл и новое наполнение. Особенно стабильной в этом отношении оказывается народная традиция, сохраняющая как первичное значение *безбожия* («неверие в бога») и расширенный его пейоративный смысл (греховодничество, нарушение нравственных или социальных норм), так и заимствованную (по всей видимости) из книжной культуры линию иноверчества (ср. приведенные выше примеры ксенономинации). Литературная традиция испытывает сильное идеологическое давление, направленное на изменение коннотаций слова *безбожник*, однако и в советское время «классическое» негативное отношение к нему сохраняется, а в последние десятилетия вновь становится доминирующим. По всей видимости, такая «сопротивляемость» слова *безбожник* радикальным изменениям связана с его яркой и отчетливо осознаваемой внутренней формой, в первую очередь с семантическим вкладом негативизирующей приставки *без-* (ср. нейтральное значение синонимичной и поздно заимствованной, а также «непрозрачной» для наивного языкового сознания лексемы *атеист*).

Однако префикс *без-* способен не придавать слову, в состав которого он входит, оттенок пейоративности, что видно из анализа семантики лексемы *беззаветный*, имеющей исключительно положительное значение. Возможно, это связано с высокой степенью идиоматичности данной языковой единицы. Затемненностью внутренней формы обуславливается и активное функционирование *беззаветного* в политическом дискурсе, и возможность его контекстного партнерства с «неожиданными» словами (ср., например, сочетания типа *беззаветный хохот*), и десемантизация архангельского гапакса *беззавётной* «хороший, приятный (?)». Существенную роль в этих процессах играет тот факт, что лексема *завет* в производящем «обетном» значении вышла из активного употребления (так, в толковых словарях современного русского литературного языка отмечены смыслы «наказ, наставление, за-

вещание, данные последователям или потомкам» [Кузнецов 1998: 313; Шведова 2007: 242], «то, что вошло в традицию, установилось с давнего времени» [Кузнецов 1998: 313; Ефремова 2000] — и только в словаре Т. Ф. Ефремовой встречается значение «обет, обещание» с пометой «устар.» [Ефремова 2000]).

Обе рассматриваемые лексемы в советское время приобретают статус идеологем, но в период пересмотра отношения к советскому наследию ведут себя по-разному. Слово *безбожник* в силу своей древности, яркой пейоративности, полисемантической и широкой сочетаемости лишено советского «привкуса» и, кажется, полностью утрачивает значение «активист в области атеистической пропаганды.» Частотность данной лексемы в последние два десятилетия не уменьшается: *безбожник* активно употребляется в традиционном религиозном и расширенном «светском» смысле. В свою очередь, частотность употребления слова *беззаветный*, имеющего не такую богатую историю и входящего в состав идеологизированных клише типа *беззаветный труд* (а значит, «тянущего» за собой ставшие негативными коннотации), в последние годы заметно снижается.

Можно выделить ряд оппозиций, в которые вступают лексемы *безбожник* и *беззаветный* (факторы, лежащие в их основе, влияют на возможности и интенсивность семантической, коннотативной и сочетаемостной динамики слов, на степень их открытости к отражению ценностных (внеязыковых) инноваций):

- *хронологическая*: относительная древность *безбожника* — относительная «молодость» *беззаветного*;
- *сфера функционирования*: представленность в книжной и народной традиции (*безбожник*) — преимущественное функционирование в литературном языке (*беззаветный*);
- *эмоционально-оценочная окраска*: пейоративность *безбожника* — нейтральность *беззаветного*;
- *прозрачность внутренней формы, отвечающая за сохранение религиозной семантики и привнесение приставкой «без-» негативного смысла*: ясная внутренняя форма *безбожника* — высокая степень идиоматичности *беззаветного*.

Таким образом, при изучении лексического аспекта аксиологических изменений продуктивным оказывается сопоставление слов, относящихся к одной тематической сфере, но различающихся в функционировании; рассмотрение их с диахронной позиции, с точки зрения бытования в разных

сферах существования языка и проч. Учет и сравнение обстоятельств языковой «жизни» лексем позволяет прояснить некоторые механизмы лингвистического отражения трансформаций ценностного фонда общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Ср. следующие рассуждения: «В настоящее время социальное расслоение российского населения гораздо глубже и серьезнее, чем это было во времена советской власти. И в этой связи неизбежно возникает вопрос о единстве национальной культуры. Мало того, что языки разных социальных групп не совпадают — не совпадают и их культуры. <...> культуры различных социальных групп до революции, после революции, в сталинскую и в брежневскую эпоху, в постсоветский период — это разные культуры. В последние десятилетия резко поменялись и социальный состав населения, и ценностные стереотипы. <...> Нет оснований считать, что у людей разных поколений, например у 60-летнего и 20-летнего носителей испанского языка, больше общих взглядов и поведенческих стереотипов, чем у двух 60-летних носителей испанского и болгарского языков» [Павлова 2013: 174, 175].

[2]. При анализе публицистических и художественных текстов используются иллюстративные контексты из словарей и данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ], в зону атрибуции входят только указания на авторов и дату создания текста. Для исследования фольклорных текстов привлекаются данные Фундаментальной электронной библиотеки [ФЭБ]; в таком случае примеры не атрибутируются, а указывается только жанр текста.

[3]. Ср. хотя бы литер. *нехристь*, диал. яросл., курск. *не́христ* ‘не христианин, иноверец’, ‘о бессовестном, несправедливом человеке’ [ССРЛЯ 7: 1263—1264; СРНГ 21: 204]. О возможности возникновения пейоративных вторичных значений у лексем из религиозной сферы и, в частности, у слов, называющих священнослужителей, в русском и других славянских языках см., например: [Синица 2013].

[4]. Стоит учитывать характер языкового материала в Псковском областном словаре, который является практически словарем полного типа: в него входят как факты современного псковского наречия, так и лексемы, извлеченные из исторических источников (летописей и проч.).

[5]. Особенно это касается образований с *без-*, которые являются характеристиками человека: как известно, в данной сфере преобладают именно лексические единицы с негативной семантикой. Семантика приставки *без-* четко ощущается говорящим, один факт наличия в слове этой приставки (даже если значение корня неясно для носителя языка) может дать ощутимую экспрессию.

[6]. Ср. также многочисленные сравнения безбожников с дурным, нечистым и опасным в Библии; безбожники сравниваются: с медведями и львами (Притч. 28:15; Иов. 4:10), с тернием (2 Цар. 23:6), со змеями (Пс. 73:13), с попорченной медью и железом (Иер. 6:28), с гнилой рыбой (Мф. 13:48), с саранчой (Суд. 6:5; Ис. 33:4; Наум. 3:17), со псами (Мф. 7:6; Пс. 21:17), с гусеницами (Ис. 33:4), с порождением ехидниным (Мф. 3:7, 23, 33), с дымом (Пс. 36:20), со свиньями (Мф. 7:6), с тающим воском (Пс. 67:3), с прахом и грязью (Пс. 17:43), с соломой и сеном (Пс. 1:4; Ис. 5:24), с высохшей травой и сеном (4 Цар. 19:26), с бесплодными деревьями (Мф. 7:17), с плевелами (Мф. 13:38) [Безбожные].

[7]. Так, в «Конкордансе русской народной песни» [КНРП] не зафиксировано ни одного употребления префиксальных дериватов с формантом *без-* от корня *бог-*, а «Словарь языка русского фольклора» [СЯРФ] указывает только на 13 употреблений лексемы *безбожный* — по всей вероятности, в значении ‘относящийся к иноверцу’; в качестве примера приводится следующий фрагмент из былины: *А ѿ как тут безбожный Калинин царь призывал он посланника да любезного* [СЯРФ: 141]. Для сравнения: слово *Бог*, по подсчетам авторов того же словаря, встречается в былинах 132 раза [СЯРФ: 142].

[8]. В 1925 г. появился также ежемесячный научно-методический журнал «Антирелигиозник». О широкой распространенности и известности подобных изданий свидетельствует использование их названий и образов в антирелигиозных агитплакатах 1920-х годов (примеры см. здесь: [Советский антирелигиозный плакат 20-х годов]); по всей видимости, именно язык агитпропа «ввел» *безбожника* в широкий социально-политический дискурс). Показательны упоминания таких журналов в художественной литературе той эпохи (примечателен модус контекстов: негативное отношение к деятельности «Безбожника»). Ср., например, отрывок из «Автобиографических заметок» И. А. Бунина: «Стою в тесной толпе в трамвайном вагоне, кругом улыбающиеся рожи, „народ-богоносец“ Достоевского любуются на картинки в журнальчике „Безбожник“: там изображено, как глупые бабы „причащаются“, — едят кишки Христа, — изображен Бог Саваоф в пенсне, хмуро читающий что-то Демьяна Бедного...» Ср. также фрагмент из романа О. Форш «Одеты камнем»: «Вот товарищ министра, да какого... продает газеты. Среди них — ныне модный „Безбожник“. Ежели у покупателя вид неопасный, вроде прежнего, продавец не удержится, скажет: „Это вам стыдно, гражданин, покупать“».

[9]. О религиозной (христианской и языческой) семантике континуантов праслав. **vět-* и в частности лексемы *завет* и ее дериватов в русских народных говорах см.: [Петкевич 2007: 64—92].

[10]. Ср. литер. *беззаконие* 'нарушение, отсутствие законности', 'беззаконный поступок' [Шведова 2007: 36], арх., пск., смол. *беззаконник* 'внебрачный ребенок' [АОС, 1: 148; ПОС, 1: 153; СГРС, 1: 87; ССГ, 1: 147], сиб. *беззаконница* 'женщина, живущая с мужчиной без венца' [СРГС, 1: 58] и мн. др.

[11]. Ср. тот факт, что основа *завет* является производящей для слов, имеющих разную частеречную принадлежность и суффиксальное оформление: др.-рус., ст.-рус. *завѣтный, завѣтъный* [СлРЯ XI—XVII, 5: 147; Срезневский, 2: 905], др.-рус. *завѣтникъ* [СДРЯ, 3: 291]; в словаре В. И. Даля: *завѣтять, завѣтовать, завѣтованье, завѣтанье, завѣтность* и проч. [Даль, 1: 581], а также *завещание, завещать* и под. Таким образом, непродуктивной эту основу назвать нельзя.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ И ХАРАКТЕРИСТИК ЯЗЫКОВ

др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-инд.	древнеиндийский
др.-прусс.	древнепрусский
др.-рус.	древнерусский
латин.	латинский
лит.	литовский
литер.	литературный язык
праслав.	праславянский
ст.-сл.	старославянский
ст.-рус.	старорусский

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ДИАЛЕКТОВ (ПО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ)

арх.	архангельский
перм.	пермский
прикам.	прикамский
пск.	псковский
сиб.	сибирский
смол.	смоленский

ИСТОЧНИКИ

1. *АОС* = Архангельский областной словарь. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.
2. *Афанасьева-Медведева* = Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. — СПб.: Наука, 2007—. Т. 1—.
3. *Даль* = Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Репр. воспр. изд. 1881 г. — М.: Рус. яз., 1989—1991.
4. *Ефименко 1878* = Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. — М., 1878. Ч. 2 // Изв. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Имп. Московском университете. Т. 30. Кн. 5, вып. 2 : Народная словесность.
5. *Ефремова 2000* = Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М., 2000. URL: <http://www.efremova.info>.
6. *КНРП* = Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словесная ткань фольклора: конкорданс русской народной песни: песни Курской губернии. — Курск : Курск. гос. ун-т, 2007.

7. *Кузнецов 1998* = Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. — СПб.: Норинт, 1998.

8. *НКРЯ* = Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 2—30.10.2013).

9. *ПОС* = Псковский областной словарь с историческими данными. — Л.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967—. Вып. 1—.

10. *САР* = Словарь Академии Российской 1789—1794 : в 6 т. — М.: Московский гуманитарный ин-т им. Е. П. Дашковой, 2001—2006.

11. *СГКН* = Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. — Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2005.

12. *СГРС* = Словарь говоров Русского Севера. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.

13. *СДРЯ* = Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). — М.: Рус. яз., 1988—. Т. 1—.

14. *Скляревская СПЦК* = Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. — СПб.: Наука, 2000.

15. *СлРЯ XI—XVII* = Словарь русского языка XI—XVII вв. — М.: Наука, 1975—. Вып. 1—.

16. *СлРЯ XVIII* = Словарь русского языка XVIII века. — Л.; СПб.: Наука, 1984—. Вып. 1—.

17. *СОРЯ XVI—XVII* = Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII. — СПб.: Наука, 2004—. Вып. 1—.

18. *СРГС* = Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. — Новосибирск: Наука, 1999—2006.

19. *СРГЮП* = Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. — Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010—. Вып. 1—.

20. *Срезневский* = Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. — СПб., 1893—1912.

21. *СРНГ* = Словарь русских народных говоров. — М.; Л.; СПб.: Наука, 1965—. Вып. 1—.

22. *ССГ* = Словарь смоленских говоров : в 11 вып. — Смоленск: СГПИ (СГПУ), 1974—2005.

23. *ССРЛЯ* = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М.; Л.: Наука, 1948—1965.

24. *ССЯ* = Словарь старославянского языка : в 4 т. Репр. изд. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

25. *СЦСРЯ* = Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. — СПб., 1847.

26. *СЯРФ* = Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора. Лексика былины : в 2 ч. — Курск, 2005—2006 : Курск. гос. ун-т.

27. *Ушаков* = Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940. Т. 1—4. URL: <http://ushakovdictionary.ru>.

28. *Фасмер* = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М.: Прогресс, 1964—1973.

29. *ФЭБ* = Фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/> (дата обращения: 2—30.10.2013).

30. *Черных* = Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1999.

31. *ЧЗСВ* = Частушки в записях советского времени / отв. ред. В. Н. Путилов ; изд. подготовили З. И. Власова, А. А. Горелов. — М. ; Л., 1965.

32. *Шанский* = Этимологический словарь русского языка / под ред. и рук. Н. М. Шанского. — М. : Изд-во МГУ, 1963—. Т. 1—.

33. *Шведова 2007* = Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2007.

ЛИТЕРАТУРА

34. *Безбожные* // Библейские словари и энциклопедии : сайт. URL: <http://logosenc.org/biblemirror/bezbozhnye.html>.

35. *Березович Е. Л.* Динамика русской аксиологической картины мира в лексическом отражении (от «советских» ценностей к «постперестроечным») // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury / pod red. J. Bartmińskiego.* — Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2011. № 23. S. 121—136.

36. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. — М. : Индрик, 2007.

37. *Журавлев А. Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры.* — М. : Индрик, 1999. С. 7—32.

38. *Михайлова Ю. Н.* Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2004.

39. *Павлова А. В.* Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка // *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»* : сб. ст. / сост. А. В. Павлова. — СПб. : Антология, 2013. С. 160—240.

40. *Петкевич А. В.* Жертвоприношение в русской символической картине мира : дис. ... магистра филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

41. *Проскурина А. В.* «Союз безбожников» на Псковщине: организация и деятельность в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. // *Псков : науч.-практ., ист.-краеведческий журн. / Псковский пед. ин-т.* 2002. № 16. URL: <http://journal.pskov.ru> (дата обращения: 29.10.2013).

42. *Синица Н. А.* Образ служителя культа в славянских языковых традициях : дис. ... магистра филол. наук. — Екатеринбург, 2013.

43. *Скляревская Г. Н.* Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // *Исследования по славянским языкам.* — Сеул, 2001. № 6. С. 177—202. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (дата обращения: 30.05.2013).

44. *Советский* антирелигиозный плакат 20-х годов // *ФотоТелеграф* : сайт. URL: <http://fototelegraf.ru/?p=178464>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Л. Березович